

*Сеймур Мартин Липсет,
Габриэль Салман Ленц*

Коррупция, культура и рынки

Растущий интерес к социальным факторам, стимулирующим демократию и экономическое развитие, породил обширную литературу о масштабах, источниках и последствиях коррупции. В настоящей статье предпринимается попытка обобщения теоретического и эмпирического анализа этого явления. Развивая межкультурную и историческую дискуссию, посвященную коррупции, авторы знакомят читателя с некоторыми эмпирическими находками исследовательской литературы. Затем результаты этих изысканий накладываются на две теоретические основы: предложенную Робертом Мертоном схему «целей и средств» и выдвинутую Эдвардом Банфилдом «партикуляристскую» гипотезу.

Специалисты по-разному отвечают на вопрос о том, что такое коррупция. Как утверждает Арнольд Хейденхеймер в работе «Политическая коррупция», «история этого термина изобилует самыми различными смыслами и значениями»¹. Политологи и философы подчеркивают отношение этого явления к политической сфере, трактуя его как попытку добиться богатства или власти незаконными средствами, то есть получить личную выгоду за общественный счет.

В сложных социальных системах, начиная с Египта, древнееврейских государств, Греции, Рима и вплоть до наших дней, коррупция буквально вездесуща. Диктаторские и демократические политии; феодальные, капиталистические и социалистические экономические системы; христианские, мусульманские, индуистские и буддийские культуры и религиозные институты — все испытали воздействие коррупции, хотя, разумеется, в различной степени. Вечное присутствие, устойчивость и постоянное возвращение коррупции говорят о том, что к ней нельзя относиться как к дисфункции, ликвидируемой целенаправленным человеческим усилием. Для того, чтобы разобраться, почему в одних эпохах, географичес-

ких широтах или культурах коррупция распространяется больше, чем в других, нужны специальные исследования.

До недавнего времени эмпирические исследования в этой области были представлены в основном анализом конкретных ситуаций и случаев. Вместе с тем, откликаясь на растущие потребности транснациональных корпораций, консалтинговые фирмы разработали несколько индексов коррупции, коренным образом трансформировавших изучение данного феномена и позволивших ученым проверить ряд гипотез, касавшихся его причин и следствий.

Одним из наиболее используемых инструментов изучения политической коррупции стал Индекс восприятия коррупции (*CPI — Corruption Perceptions Index*), предложенный организацией «*Transparency International*». В таблице 1 перечисляются 85 стран, начиная с наименее коррумпированных и заканчивая наиболее коррумпированными.

Таблица 1.

Индекс восприятия коррупции

1. Дания	23. Ботсвана	45. Малави	67. Египет
2. Финляндия	24. Испания	46. Бразилия	68. Индия
3. Швеция	25. Япония	47. Беларусь	69. Боливия
4. Новая Зеландия	26. Эстония	48. Словакия	70. Украина
5. Исландия	27. Коста-Рика	49. Ямайка	71. Латвия
6. Канада	28. Бельгия	50. Марокко	72. Пакистан
7. Сингапур	29. Малайзия	51. Сальвадор	73. Уганда
8. Нидерланды	30. Намибия	52. Китай	74. Кения
9. Норвегия	31. Тайвань	53. Замбия	75. Вьетнам
10. Швейцария	32. Южная Африка	54. Турция	76. Россия
11. Австралия	33. Венгрия	55. Гана	77. Эквадор
12. Люксембург	34. Мавритания	56. Мексика	78. Венесуэла
13. Великобритания	35. Тунис	57. Филиппины	79. Колумбия
14. Ирландия	36. Греция	58. Сенегал	80. Индонезия
15. Германия	37. Чехия	59. Кот-д'Ивуар	81. Нигерия
16. Гонконг	38. Иордания	60. Гватемала	82. Танзания
17. Австрия	39. Италия	61. Аргентина	83. Гондурас
18. США	40. Польша	62. Никарагуа	84. Парагвай
19. Израиль	41. Перу	63. Румыния	85. Камерун
20. Чили	42. Уругвай	64. Таиланд	
21. Франция	43. Южная Корея	65. Югославия	
22. Португалия	44. Зимбабве	66. Болгария	

Этот индекс «представляет собой «опрос опросов», произведенный на основании многочисленных «замеров» мнений экспертов и представителей публики, которые касаются степени распространения коррупции в различных странах мира»². Он охватывает те страны, где регулярно проводятся как минимум три опроса на данную тему, хотя в некоторых случаях число таких опросов достигает двенадцати. Все источники опираются на одно и то же определение коррупции, понимаемой как злоупотребление публичной властью ради частных выгод. В материалах *CPI* политическая и административная коррупция не разграничиваются между собой, и поэтому индекс раскрывает обобщенное восприятие коррупции. Приводимые данные не затрагивают межсоциальных и межкультурных различий в коррупции. Они не содержат информации и о коррумпированности частных организаций.

Методология *CPI* нередко оспаривается; по мнению некоторых авторов, она отражает лишь восприятие коррупции в той или иной стране глазами международных чиновников. В действительности, однако, ее опросами охватывается и местное население. В индекс *CPI* включаются только те страны, в отношении которых имеются данные хотя бы одного такого опроса. Как бы то ни было, результаты опросов, проводимых среди чиновников и экспертов, весьма созвучны результатам аналогичных опросов населения. Оценки, выставляемые странам, варьируют от 0 (наименьший уровень коррупции) до 10 (наибольший уровень). Опираясь на данные Всемирного опроса по изучению ценностей (*World Values Surveys — WVS*) 1995 года, Рональд Инглхарт отмечает, что мнения о распространенности коррупции в странах, где проживают респонденты, тесно коррелируют с оценками *CPI*.

Большая часть этой статьи посвящена взаимоотношению культурных ценностей и коррупции. Дефицит межнациональных количественных данных, касающихся таких ценностей и установок, довольно долго препятствовал сравнительным исследованиям в упомянутой области. Но опросы *WVS*, проведенные в 1981–1982, 1990–1993 и 1995–1996 годах, предоставили специалистам всю необходимую информацию. Опрос 1995–1996 года охватывал шестьдесят государств; пока его результаты недоступны для анализа, но уже в ближайшее время ситуация изменится. В настоящей публикации мы

опираемся на данные опроса 1990-1993 годов, проведенного в сорока трех странах, в которых проживают 70 процентов населения планеты. Он охватывал как бедные, так и богатые страны, среднедушевой доход в которых варьирует от 399 до 30000 долларов в год. Качество выборки тоже было различным. В наименее развитых государствах и некоторых бывших советских республиках к опросам привлекалось в основном городское и грамотное население, установки которого не слишком отличаются от ценностных ориентиров граждан индустриальных стран³. Поэтому не исключено, что полученные данные недооценивают масштабы межнациональных различий, разделяющих страны «первого», «второго» и «третьего» мира.

Экономика и коррупция

Разлагающее влияние коррупции на многие аспекты экономического развития подкрепляется многочисленными документальными свидетельствами. Исследования показывают, что высокий уровень коррупции заметно сокращает показатели роста ВВП. Предпринятый Паоло Мауро регрессивный анализ обнаружил, что понижение индекса коррупции на 2,4 пункта (по шкале от 1 до 10) сопровождается 4-процентным повышением роста среднедушевого дохода⁴. Воздействие коррупции на показатели роста по меньшей мере отчасти проявляется в сокращении инвестиций из-за дополнительных рисков, закладываемых в расчеты инвесторами. Кроме того, коррупция тормозит экономическое развитие, приводя к сокращению расходов на образование. Понижение индекса коррупции на 2,38 пункта (стандартная девиация) ассоциируется с увеличением государственных ассигнований на образование примерно на 0,5 процента от ВВП⁵.

Почему коррупция влияет на образование? Судя по результатам исследований, правительства, которые страдают от коррупции, тратят больше денег в тех областях, где значительнее размеры взяток⁶. Коррупцированные чиновники способны направлять бюджетные потоки туда, где поборы взимаются более эффективно. Крупные и сложные проекты типа аэропортов или скоростных магистралей благоприятствуют обману. И, напротив, в такой области, как образование, затраты и полученная отдача более заметны, что мешает коррупционерам.

Другое исследование связывает коррупцию с неравенством доходов. Данные, полученные в разных странах, выявляют прочную взаимосвязь между коррупцией, неравенством доходов и бедностью. Чем ниже положение страны в Индексе восприятия коррупции, тем больше вероятность того, что ей присущ высокий «коэффициент Джини», означающий серьезное имущественное неравенство. Возрастание уровня коррупции всего на 0,78 пункта влечет за собой резкое сокращение доходов беднейших слоев населения — до 7,8 процентов в год⁷.

В качестве переменной, наиболее прочно связанной с уровнем коррупции, в международных сравнительных исследованиях рассматривается среднедушевой доход⁸. Богатые и экономически развитые страны в наименьшей степени подвержены коррупции. Согласно упомянутому выше индексу «*Transparency International*», в первых двадцати странах, наименее затронутых этим социальным злом, среднедушевой доход составлял 17 тысяч долларов или более (см. Таблицу 1), тогда как в двадцати самых коррумпированных данный показатель равнялся 4 тысячам и даже менее. В ряду последних оказались в основном наиболее отсталые или бывшие коммунистические страны. В то же время лишь шесть западноевропейских государств не попали в двадцатку лидеров.

Взаимосвязь коррумпированности и уровня доходов обусловлена следующими обстоятельствами. Большие доходы сокращают коррупцию, меняя систему стимулирования государственных служащих: по-видимому, рост благосостояния сдерживает тягу к незаконно приобретаемым деньгам. При этом параллельно с ростом доходов усиливается строгость наказаний за деяния, связанные с коррупцией.

Поощряя демократию, экономическое развитие также способствует снижению коррупции⁹. Кроме того, прогресс повышает уровень образованности, а это заставляет граждан более внимательно относиться к последствиям своих действий¹⁰. Степень интеграции той или иной страны в мировую экономику, фиксируемая показателями внешнеторгового оборота, тоже негативно коррелирует с уровнем коррупции. Включение в глобальное сообщество приучает народы и отдельных граждан к нормам, принятым в развитых государствах. Условием членства в таких объединениях, как ЕС или НАФТА, является принятие данных норм.

Культура и социальные институты

Систематические сравнительные исследования, посвященные вопросу о том, как культурные и политические факторы воздействуют на коррупционный потенциал общества, представляют собой довольно новый феномен. Имеющиеся статистические данные указывают на взаимосвязь уровня коррупции и социальной структуры общества, его этнолингвистического состава, распространения в нем тех или иных религиозных традиций. В обширном сравнительном исследовании Даниэл Трисман приводит убедительные доказательства того, что целый ряд культурных и институциональных факторов снижает уровень коррупции. В полном созвучии с исследованиями, затрагивающими влияние на коррупцию демократических преобразований, выкладки Трисмана доказывают, что большая доля протестантского населения и пребывание в составе британской колониальной империи представляют собой два важнейших обстоятельства, снижающих уровень коррумпированности общества.

Возможные механизмы, с помощью которых протестантизм задает именно такое поведение, будут обсуждаться нами ниже. Что же касается британского колониального влияния, то, как считает Трисман, оно воспитывало у населения уважение скорее к процедуре, чем к авторитету власти. По словам Гарри Экштейна, «для британцев процедура — не просто процедура, но почти сакральный ритуал»¹¹. Судя по всему, стремление судей и государственных чиновников следовать установленным правилам даже в тех случаях, когда подобное поведение вредит сиюминутным интересам власти, повышает шансы на искоренение коррупции. Не исключено, что британское наследие подавляло коррупцию и через свою позитивную связь с демократией.

Два социологических подхода позволяют нам уточнить взаимоотношения культуры и коррупции. В основе первого лежат работы классика современной социологии Эмиля Дюркгейма, переосмысленные Робертом Мертоном. В своей книге «Социальная теория и общественная структура» Мертон представляет схему «целей и средств», которая объясняет, почему в различных странах к нарушителям норм относятся по-разному¹². Второй подход имеет отношение к семье. Политолог Эдвард Банфилд глубоко исследовал вопрос о

том, каким образом крепкие семейные узы (например, в Южной Италии и на Сицилии) стимулируют высокий уровень коррупции¹³. Истоки данной теории восходят к Платону, который отмечал, что близкие отношения в семье, особенно между родителями и детьми, заставляют ее членов руководствоваться родственными предпочтениями, то есть практиковать nepotism. По мнению Банфилда, уровень коррупции зависит от прочности семейных ценностей, включающих выраженное чувство долга.

Схема «целей и средств»

Согласно теории Мертона, коррупция есть такая разновидность социального поведения, которая формируется под давлением общества и выражается в нарушении установленных норм. Этот автор подчеркивает, что социальная система задает культурные цели, к которым стремятся индивиды, а также устанавливает средства для достижения этих целей — институционализированные нормы. Используя формулировку Мертона, тех, кто стремится к цели, применяя лишь социально оправданные средства, можно назвать конформистами. Но социальная система заставляет добиваться высоких доходов или общественного признания также и тех, чьи возможности — в силу расовой принадлежности, национальности, отсутствия необходимых навыков, недостатка капитала — оказываются ограниченными. Рынок социальных достижений организован так, что ему всегда присуще несоответствие между спросом (целями и ценностями) и предложением (средствами). Следовательно, многие из тех, кто довольно рано осознает ограниченность своих возможностей в этой гонке, отвергнут общие правила игры и попытаются добиться успеха недозволенными («творческими» или преступными) методами. С помощью предложенной Мертоном аналитической основы удастся объяснить всевозможные разновидности отклоняющегося поведения, причем как среди низших классов, так и среди различных этнических групп Америки. Подобные обобщения собраны Даниэлем Беллом¹⁴.

Из теории Мертона следует, что культурам, которые ориентируются на экономический успех, но при этом игнорируют принцип равенства возможностей, присущ более высокий уровень коррупции. Эта гипотеза подтверждается данными WVS за 1990–1993 годы, также обнаруживающими

наличие подмеченной связи между культурной мотивацией и коррупцией. Крайние случаи тоже вполне вписываются в предлагаемую аналитическую основу. Чем беднее страны, культуры которых нацелены на успех, тем более они коррумпированы. Например, в России, Южной Корее и Турции, согласно упомянутым опросам, личный успех ценится выше, чем в других местах. Эти же страны — в ряду самых коррумпированных.

И, наоборот, в соответствии с теорией Мертона, в странах, где значимость успеха не слишком подчеркивается, а граждане пользуются равными возможностями, коррупция не особенно распространена. В данном смысле показательны Дания, Швеция и Норвегия. Эти государства, если верить используемой нами шкале, наименее ценят личные достижения и в то же время наименее коррумпированы. По-видимому, здесь схема «целей и средств» проявляет себя довольно слабо.

Скандинавский феномен порождается особыми взаимоотношениями между мотивацией успеха и структурно дифференцированным доступом к социальным возможностям. К нашему удивлению, ориентация на достижения весьма прочно — но негативно — коррелирует со среднедушевым доходом. Это предполагает наличие следующей закономерности: чем богаче страна, тем меньше проявляет себя культурная нацеленность на успех. Подобные результаты могут показаться противоречащими выдвинутой Вебером теории культуры. Следует, однако, иметь в виду, что, занимаясь влиянием религиозных ценностей на экономическое развитие, Вебер отмечал снижение позитивного воздействия протестантизма по мере повышения экономической эффективности. Отсюда можно сделать следующий вывод: хотя нынешние богатые страны некогда превозносили личный успех, после достижения изобилия их граждане вдохновляются, как отмечает Джон Адамс, ценностями, не имеющими отношения к работе, то есть черпаемыми из литературы, музыки, искусства. Пользуясь терминологией Рональда Инглхарта, можно сказать, что они становятся постматериалистами¹⁵. С другой стороны, элиты и средние классы некоторых развивающихся государств, реагируя на ущербность своего экономического положения, способны вырабатывать более высокие принципы экономической мотивации.

Для проверки изложенных гипотез был использован множественный регрессивный анализ, в ходе которого данные всемирного опроса по изучению ценностей за 1990 год и по-

казатели, характеризующие отношение к коррупции, рассматривались в качестве зависимых переменных. Как отмечалось выше, Мертон полагал, что язва коррупции поражает в первую очередь те страны, в которых четко выраженная ориентация на личный успех сочетается с недостаточным доступом к средствам достижения этого успеха. На деле эта взаимосвязь действительно сильна и статистически значима. Изменение показателя, отражающего ориентацию национальной культуры на личное преуспевание, всего на 1,1 пункта (при стандартной девиации от 1 до 5) ассоциируется с изменением коррупционного рейтинга страны на половину пункта. Эвристическая ценность предложенной модели довольно высока, поскольку связь двух этих переменных сохраняется даже в случае их сопоставления с иными факторами.

Целый ряд методик определяет степень доступности экономических ресурсов и уровень экономической свободы. Мы в основном опираемся на Индекс экономической свободы (*Index of Economic Freedom — IEF*), в 1997 году обнародованный «*Wall Street Journal*» и организацией «*Heritage Foundation*». Оценивая пятибалльной шкалой от 1 («свобода отсутствует») до 5 («абсолютная свобода»), рассматриваемый индекс отражает степень поддержки, оказываемой властями свободному рынку. Оценка производится на основании нескольких показателей, среди которых право владеть собственностью, право зарабатывать себе на жизнь, право вести собственное дело, право инвестировать заработанные средства, право осуществлять внешнюю торговлю, право свободно действовать на рынке. В случае использования регрессивного анализа изменение Индекса экономической свободы на 0,75 пункта (стандартная девиация) ассоциируется с изменением коррупционного рейтинга страны на 1,5 пункта.

Подобно *IEF*, показатели среднедушевого дохода также могут свидетельствовать о доступности экономических ресурсов и даже о степени удовлетворения экономических потребностей населения. Иными словами, наличие столь прочной связи между размерами среднедушевого дохода и коррупцией является дополнительным подтверждением гипотезы Мертона, согласно которой доступность институциональных средств достижения желаемых целей снижает уровень коррупции. В сочетании с Индексом экономической свободы 1997 года и показателями среднедушевого дохода, данная модель объясняет многие проявления коррупции. Взаимосвязь

ориентации на успех и коррупции остается прочной и в тех случаях, когда мы соотносим ее с другими элементами — например, со среднедушевым доходом, удельной долей протестантов среди населения или былой принадлежностью британской короне. Данный факт говорит о том, что здесь также подмечены важные закономерности.

Аморальная семейственность

Согласно второй линии рассуждений, тянущейся от Платона к Банфилду, коррупция по большей части есть проявление партикуляризма: в пораженных ею системах помогают, в том числе и ресурсами, лишь тем, по отношению к кому имеются личные обязательства. В первую очередь в этот круг входят члены семьи, а также родственники и близкие друзья. Наиболее видимым ее проявлением становится nepotизм. Личная лояльность была весьма сильна в докапиталистических, феодальных обществах. По мнению Вебера, принцип лояльности и рынок несовместимы друг с другом. Антитезой партикуляризму выступает универсализм, то есть применение ко всем одного и того же стандарта. Рыночные нормы универсальны; следовательно, «чистый» капитализм поддерживается универсалистскими ценностями.

Две с половиной тысячи лет назад Платон утверждал, что семейные узы (в особенности складывающиеся между родителями и детьми) представляют собой главный фактор социальной самоидентификации¹⁶. По его мнению, для создания эгалитарного, коммунистического общества придется разрушить саму семью. С рождения дети должны воспитываться в общественных учреждениях, не зная родителей. Разумеется, Платон отнюдь не думал, что общество, лишённое семейных связей, будет прочным, но его обращение к указанной теме показывает, какую социальную значимость он приписывал семье.

Пытаясь осмыслить подъем капитализма в протестантских культурах, Вебер отмечал, что в доиндустриальных католических обществах господствовали коммунитарные нормы, требовавшие от социума, семьи и господствующих классов помощи наименее удачливым. По его мнению, такого рода ценности препятствовали появлению рационально регулируемой рыночной экономики. И напротив, индивидуализм и опора на собственные силы более благотворны для капиталистического накопления. Кальвинизм и протестантские

секты поощряли именно такое поведение. Они верили, что Бог помогает тем, кто способен помочь себе сам. Как указывал Вебер, «величайшим достижением ... этических и аскетических протестантских сект явилось то, что они смогли поколебать основы патриархальной семьи»¹⁷. По наблюдению Лоуренса Харрисона, «большие семьи способствуют выживанию, но препятствуют развитию»¹⁸. Солидарность, ограниченная рамками патриархальной семьи, и враждебность к «чужакам» из других семей, деревень или племен, замыкают культуру в своих собственных рамках.

Изучая Южную Италию, Эдвард Банфилд еще более углубил этот анализ. Им было выдвинуто понятие «аморальной семейственности», которое обозначает культуру, испытывающую недостаток коммунитарных ценностей, но при этом поощряющую семейные узы. Он пишет: «В обществе аморальной семейственности никто не станет заботиться о групповых или общинных интересах, не имея на то корыстных причин»¹⁹. Здесь почти нет лояльности к «большому сообществу» или уважения к поведенческим нормам, требующим помогать ближним. Иными словами, такого рода семейственность аморальна, она порождает коррупцию и стимулирует отход от универсальных этических установок. По ее логике, хорошо все то, что работает на тебя и твою семью. Крайнее проявление аморальной семейственности — мафия. Фактически Банфилд утверждает, что за коррупцией в Южной Италии и в других сопоставимых с нею традиционных обществах стоят те же силы, которые возвращают мафию.

Проведенный в 1990 году Всемирный опрос по изучению ценностей, а также статистика Мирового банка предоставили данные, с помощью которых можно разработать «шкалу семейственности». Делается это с помощью трех показателей. Первый отражает уровень безоговорочного почитания родителей. Он определяется процентом людей, согласных с той точкой зрения, что родителей надо уважать и любить, несмотря на все их просчеты и промахи. В качестве второго показателя выступает процент людей, полагающих, что разводы недопустимы. Третий, предлагаемый Мировым банком, свидетельствует о среднем количестве детей на одну женщину.

Страны, занимающие лидирующее положение на данной шкале, оказываются, как правило, среди наиболее коррумпированных. Это касается большинства азиатских государств, известных прочностью своих семейных уз. С другой

стороны, скандинавы, которых трудно упрекнуть в избытке семейственности, почти не страдают от коррупции. «Шкала семейственности» и Индекс восприятия коррупции тесно коррелируют друг с другом. Данная связь остается в силе при сопоставлении со среднедушевым доходом. Модель, включающая в себя «шкалу семейственности», замеры ориентации на личный успех и покупательную способность населения, многое объясняет в вариативности Индекса восприятия коррупции.

Короче говоря, предпринятый здесь анализ подтверждает тезис об «аморальной семейственности». В другой модели мы добавляли к перечню рассматриваемых переменных долю протестантов в обществе. Трисман доказал, что данный показатель напрямую связан с отношением общества к коррупции. Подобные результаты позволяют интерпретировать семейственность в качестве посредующей переменной между религией и коррупцией. Другими словами, протестантизм снижает уровень коррупции, поскольку связан с индивидуалистическими, несемейными отношениями.

Религия, культура и коррупция

Выше мы продемонстрировали, что культурные переменные позволяют объяснять и предсказывать уровень коррупции в том или ином социуме. Но чем обусловлена сама культура? Всестороннее рассмотрение этого непростого вопроса выходит за пределы данной статьи. Можно, однако, констатировать единодушие специалистов в том, что религиозная составляющая является важным фактором в рамках любой, даже секулярной, культуры. Страны, где преобладает протестантизм, менее коррумпированы, нежели все остальные. Протестантский религиозный этос более располагает к законопослушному поведению. Протестанты, особенно члены сект, считают, что преодоление греха — дело личной ответственности, в то время как прочие христианские конфессии, в особенности католицизм, подчеркивают изначальную слабость человека, его беззащитность перед грехом и вытекающую отсюда потребность в прощающем и окормляющем попечении церкви. Католическая, англиканская и православные церкви более терпимы к человеческим порокам, поскольку их духовенство избавляет верующих от тягот ответственности. Естественными следствиями такого положения дел оказываются большее сни-

схождение к грешникам и уверенность в том, что святость — почти недостижимый идеал.

С другой стороны, сектантский, евангелический этос поощряет абсолютные ценности, прежде всего в сфере морали. Он вынуждает верующих настаивать на торжестве добродетели и сводить к минимуму (а то и полностью уничтожать) влияние дурных людей и порочных социальных установлений. Протестанты склонны видеть в социальной и политической жизни моральную драму, борьбу Бога и дьявола, в которой не может быть компромиссов.

Протестанты бережно сохраняют важные элементы евангелической традиции. Большинство деноминаций рассчитывают на то, что дети членов общины также станут приверженцами протестантизма, как только достигнут сознательного возраста. Некоторые настаивают на обращении («новом рождении») как свидетельстве истинной веры. Хорошая репутация в подобных группах основывается на добродетельной жизни в соответствии с предписаниями, которые порой весьма конкретны и детализированы. В некоторых странах наиболее аскетические ответвления протестантизма поддерживают меры, направленные на запрет или ограничение алкоголя и азартных игр.

Протестантизм прочно связан с восприятием коррупции. Данное взаимоотношение, немного ослабевая, остается существенным и в том случае, если его сопоставляют со среднедушевым доходом. Это позволяет нам предположить, что рассматриваемая зависимость, по крайней мере, на четверть, обусловлена более высокими доходами или экономическими успехами протестантов. С другой стороны, отсюда следует, что на оставшиеся три четверти отношение протестантизма к коррупции мотивируется культурными факторами.

Исследование отношений между нашей шкалой достижений и процентом протестантов в стране поддерживает предположение о том, что нынешние протестанты все меньше заботятся о личном успехе. Хотя Вебер подчеркивал, что ориентация на личные достижения присуща им в большей степени, нежели католикам или прочим традиционалистам, это, скорее всего, уже не соответствует действительности. Теперь, когда большинство протестантских стран стали богатыми, появились основания для предположения о том, что их ценностный фокус изменился. Шкала достижений негативно коррелирует с долей протестантов среди населения конкрет-

ной страны; иными словами, чем больше протестантов, тем менее заметна ориентация на личное преуспеяние. Вероятно, именно поэтому уровень коррупции в протестантских странах в сопоставлении с католическими должен быть ниже.

По логике Мертона, присущий богатым обществам широкий доступ к институциональным ресурсам (в данном случае речь идет об экономических ресурсах) также снижает уровень коррупции в протестантских странах, которые в основном и являются наиболее преуспевающими. Правительства католических государств склонны вмешиваться в экономику и ограничивать экономическую свободу, в то время как протестантские страны, за незначительными исключениями (Скандинавия), более ориентированы на свободный рынок. Как и следовало ожидать, Индекс экономической свободы позитивно коррелирует с протестантизмом: чем больше в обществе протестантов, тем шире свобода.

Наконец, тезис Банфилда об «аморальной семейственности» предлагает еще одно основательное объяснение того, почему католические страны более подвержены коррупции, нежели протестантские. Общеизвестно, что католический мир поощряет коммунитарные и семейные ценности, в то время как протестантский опирается на индивидуализм и самодостаточность. Данные опросов *WVS* поддерживают данный вывод; именно таким образом шкала семейственности коррелирует с протестантизмом. Как отмечалось выше, семейственность (или недостаток таковой) оказывается главной посредующей переменной между протестантизмом и коррупцией.

Демократия и коррупция

Что еще, помимо повышения производительности и модернизации, позволяет эффективно бороться с коррупцией? В поисках ответа обратимся к рассуждениям Вебера, касающимся влияния политически открытого общества на ограничение государственной власти. Демократия, означающая наличие политической оппозиции, свободной печати и независимых судов, располагает немалым потенциалом для подавления коррупции. Стремясь к победе на выборах, оппозиционные партии заинтересованы в изобличении коррупционеров в правительстве. При демократическом режиме та правящая партия, которая неспособна к самореформирова-

нию, теряет власть. В однопартийных системах подобные стимулы отсутствуют. Михаил Горбачев, будучи коммунистом-реформатором, по меньшей мере дважды публично жаловался на собственную недооценку пороков однопартийной системы. Разумеется, как коммунист он не мог отстаивать политический плюрализм, поэтому ему приходилось убеждать советскую прессу и интеллигенцию взять на себя роль оппозиции, изобличающей недостатки.

Отставка в 1999 году членов Европейской комиссии, которой предшествовали обвинения во взяточничестве, кумовстве и злоупотреблениях властью, также свидетельствует об «очистительных» эффектах демократии. Демократически избранный Европейский парламент — пестрая комбинация политических партий, национальных, региональных и групповых интересов — развернул наступление против «средиземноморской [коррупционной] практики, исходящей из южной, католической Европы»²⁰, в которой уличались европейские комиссары. Победа представительного института «отметила радикальный сдвиг во властной системе: от никем не избираемой Комиссии — к всенародно избираемому Европейскому парламенту»²¹.

Исследование взаимоотношений между коррупцией и демократией подкрепляет эти гипотезы. Данные, касающиеся демократии, привлекаются из ежегодного отчета о состоянии политических прав и гражданских свобод, подготавливаемого «*Freedom House*»²². Предлагаемая здесь шкала от 1 (наиболее свободные) до 7 (наименее свободные) состоит из двух частей. Первая, посвященная политическим правам, формируется с помощью ответов на следующие вопросы: Избираются ли исполнительные и законодательные органы в ходе свободных и справедливых выборов? Обладают ли граждане правом на создание альтернативных политических партий и прочих организаций? Велика ли степень поддержки оппозиции и не испытывает ли она каких-либо ограничений в своей деятельности? Вторая шкала затрагивает гражданские свободы и фиксирует степень независимости средств массовой информации, свободы слова и собраний, равенства перед законом, доступа к независимой и справедливой судебной власти, защиты от политического террора, необоснованного тюремного заключения, и так далее.

Совокупный индекс, сочетающий обе шкалы, составляет с 1978 года. Он обнаруживает прочную корреляцию с опи-

санным выше Индексом восприятия коррупции. При регрессивном анализе комбинированный индекс демократии сохраняет устойчивость при сопоставлении со среднедушевым доходом. Вместе с тем в ходе этого процесса нестандартный коэффициент наполовину теряет свою ценность и, если в дело вступают иные ключевые факторы, становится несущественным. Такое положение вещей позволяет предположить, что, по меньшей мере, на 50 процентов негативная корреляция между демократией и коррупцией обусловлена тем фактом, что демократии являются наиболее процветающими странами (то есть предоставляют своим гражданам максимально равные возможности).

Хотя средний показатель, исчисленный по методике «*Freedom House*», не связан с коррупцией непосредственно, Трисман выяснил, что продолжительность демократического этапа в развитии той или иной страны влияет на восприятие коррупции. Иначе говоря, демократия позволяет предвидеть степень коррумпированности нации. Имеются также свидетельства того, что состояние гражданских свобод, и в особенности обеспечение правовой стабильности с помощью независимых судов, более важно, чем состояние политических прав.

Заключение

Возникновению развитых экономических систем способствовали превознесение рациональности, уменьшение размера семьи, социальная мобильность и универсализм — элементы, которые характеризуют модернизм в противопоставлении традиционализму. В идеале данный процесс был отмечен упадком семейственности и отказом от партикуляристских подходов к взаимопомощи, сдерживавших развитие рыночных отношений. Вслед за крушением систем социальной стратификации феодального типа, которые делали упор на долге и лояльности, начался подъем новых ценностей, более соответствовавших рыночным отношениям.

Присущее азиатским странам акцентирование групповой ответственности, прежде всего в отношении семьи, в Японии, разумеется, более заметное, чем в Америке или Европе, влечет за собой высокий уровень коррупции. Согласно подсчетам «*Transparency International*», коррупционные показатели на более крупных восточно-азиатских стран значительно превышают средние. Япония остается здесь примечательным ис-

ключением. Эту страну вообще отличает крайне низкий уровень преступности. Анализ японского феномена свидетельствует, что законы и правила нарушаются здесь значительно реже именно потому, что подобное поведение порочит семью (или другую микрогруппу) и бесчестит самого нарушителя. Вместе с тем на высших уровнях власти и бизнеса коррупция довольно велика. По данным Индекса восприятия коррупции 1998 года, Япония занимает двадцать пятое место в мире, находясь позади таких стран, как Чили, Португалия, Ботсвана и Испания, и лишь ненамного опережая Коста-Рику, Бельгию, Малайзию, Намибию, Тайвань и Тунис.

Бывшие коммунистические страны, за исключением Венгрии и Чехии, пребывают во второй части «коррупционного» списка. Всем им, хотя и в различной степени, присуще сочетание семейственности, государственнического коммунизма, иерархической религиозной культуры (католической или православной) и партийного партикуляризма, при коммунизме порождавшего небывалый расцвет коррупции. Кроме того, почти все они крайне бедны.

В данной публикации мы сосредоточились на двух теориях коррупции — на схеме «целей и средств» Мертона и концепции семейственности Банфилда. Проблемы, вскрытые этими учеными, — неадекватность средств, применяемых для предустановленных социальных целей, и партикуляристские нормы, присущие семье, — продолжают влиять на поведение целых народов. Если рациональные рыночные ценности и законность смогут восторжествовать в самых отсталых и бывших коммунистических странах, то уровень коррупции здесь заметно понизится. Именно это произошло в свое время с тремя ныне благополучными, вполне рыночными и довольно законопослушными обществами — с Гонконгом, Тайванем и Сингапуром.

Примечания

¹ Arnold J. Heidenheimer. *Political Corruption: Readings in Comparative Analysis* (New Brunswick, N.J.: Transaction, 1978), p. 3.

² Transparency International. “TI Press Release: 1998 Corruption Perceptions Index”. Berlin, 22 September 1998.

³ World Values Study Group, “World Values Survey Code Book”, *ICPSR* 6160 (Ann Arbor, Mich., August, 1994).

⁴ Paolo Mauro. “The Effects of Corruption on Growth, Investment, and Government Expenditure: A Cross-Country Analysis”, in *Corruption and the*

Global Economy, ed. Kimberly Ann Elliot (Washington, D.C.: Institute for International Economics, 1997), p. 91. См. также: Paolo Mauro, "Corruption and Growth", *Quarterly Journal of Economics* 110, no. 3 (1995). См. обстоятельный обзор литературы по данной теме: Alberto Ades and Rafael Di Telia, "The Causes and Consequences of Corruption", *IDS Bulletin* 27, no. 2 (1996): 6–10.

⁵ Mauro. "Effects", p. 94.

⁶ Andrei Shleifer and Robert W. Vishny. "Corruption", *Quarterly Journal of Economics* 109, no. 3 (1993): 599–617.

⁷ Sanjeev Gupta, Hamid Davoodi, Rosa Alonso-Terme. "Does Corruption Affect Income Inequality and Poverty?" *IMF Working Papers 98/76* (Washington, D.C.: International Monetary Fund, 1998).

⁸ Daniel Treisman, *The Causes of Corruption: A Cross-National Study* (forthcoming, 1998), pp. 22–23.

⁹ Данные, подтверждающие наличие взаимосвязи между демократией и экономическим развитием, см. в работах: Seymour Martin Lipset, *Political Man* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1960); Treisman, *Causes of Corruption*.

¹⁰ Treisman. *Causes of Corruption*, p. 6.

¹¹ Harry Ekstein. *Division and Cohesion in Democracy: Study of Norway* (Princeton: Princeton University Press, 1966), p. 265.

¹² Robert K. Merton. *Social Theory and Social Structure* (1957; reprint, New York: Free Press, 1968), pp. 246–248.

¹³ Edward Banfield. *The Moral Basis of a Backward Society* (Chicago: Free Press, 1958).

¹⁴ Daniel Bell. "Crime As an American Way of Life", *Antioch Review*, Summer 1953, pp. 31–154.

¹⁵ Ronald Inglehart. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics* (Princeton: Princeton University Press, 1977); Inglehart, *Modernization and Postmodernization* (Princeton: Princeton University Press, 1997).

¹⁶ Plato. *Republic* (Indianapolis: Hackett, 1992), chap. 5.

¹⁷ Max Weber, *The Religion of China* (New York: Macmillan, 1951), p. 237.

¹⁸ Lawrence E. Harrison. *Underdevelopment Is a State of Mind: The Latin American Case* (Cambridge: Center for International Affairs, Harvard University; Lanham, Md.: University Press of America, 1985), p. 7.

¹⁹ Banfield. *Moral Basis*, p. 85.

²⁰ "A Message for Europe". *Economist*, 20 March 1999, p. 15. В данной публикации журнал высказывает надежду, что в результате реформы Европейский союз усвоит «нравы, присущие Северной Европе».

²¹ "Earthquake in Europe". *Financial Times*, 20 March 1999, p. 10

²² Freedom House. *Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties, 1996–1997* (New York: Freedom House, 1997).